

УДК 821.161.1

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19018943>

КОНСТАНТЫ БЫТИЯ В РОМАНЕ А. Б. САЛЬНИКОВА «ОККУЛЬТРЕГЕР»

Дюсекеева М. Р., Иванова Н. П.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация*

E-mail: dysekeeva_madina@mail, N-P-Ivanova@yandex.ru

Статья посвящена исследованию основных аспектов онтологической проблематики романа А. Б. Сальникова «Оккультреггер»: осмыслению ключевых (согласно авторской концепции) констант бытия, которые рассматриваются в указанном произведении с позиций философии идеализма. В качестве бытийных основ, обновление которых представляется необходимым в рамках эстетики метамодернизма, выделяются стремление к осознанному восприятию действительности, поиск гармоничного соединения красоты, добра и правды, сохранение духовного начала и взаимосвязи с другими людьми, возможность перехода с бытового уровня осмысления реальности на бытийный, приобщение к культуре цивилизации, приближение к божественному началу, способность к осознанному самопожертвованию, возможность прощения греха и сохранения достаточного для продолжения человеческого существования уровня развития межличностных отношений и гармонизирующих тенденций («тепла») при условии постоянной борьбы с деструктивным началом («мутью»). Анализ проведен с учетом специфики художественного мира романа, контекста творчества его автора, а также функций интертекстуальных включений. В ходе исследования прослеживается эволюция мировоззренческих систем героев романа в аспекте отношения к основным бытийным категориям.

Ключевые слова: постмодернизм, метамодернизм, онтологическая проблематика, константы бытия.

ВСТУПЛЕНИЕ

Философская проблематика представляет собой текстообразующую основу художественного произведения. Она содержит «осмысление наиболее общих, универсальных закономерностей бытия общества и природы, как в онтологическом, так и в гносеологическом аспектах» [2, с. 30]. В этом случае внимание автора направлено не на изображение изменений внутреннего мира героев, то есть не на динамику образов, а на выявление и фиксирование истин, постулатов, по которым существует мироздание. Характер осмысления законов бытия определяет тип художественного мышления, и современные модификации модернизма в той или иной мере предпринимают попытки конструирования вторичной реальности путем трансформации первичной, при этом или создавая постмодернистские симулякры, или воссоздавая так называемый «модус идеального бытия» посредством «перерегистрации всего того, что иллюзорно претендует на вечность – в целях обновленческой редукции оснований» [1, с. 157], в чем современная гуманитаристика видит основную задачу метамодернизма. Такого рода основаниями представляются базовые константы бытия, осмысление, а главное, переосмысление которых и происходит в романе А. Б. Сальникова «Оккультреггер», вышедшем в 2022 г. и в связи с этим еще практически не ставшим предметом литературоведческих исследований. Однако роман несомненно вызывает исследовательский интерес, о чем свидетельствуют, в частности, работы С. П. Костырко «Неподъемные истины» (2022), Д. Л. Куликовой «Интертекстуальность в романе А. Сальникова "Оккультреггер"» (2024) и М. В. Шин «Творчество А. Б. Сальникова через призму современной литературной

критики» (2024), затрагивающие онтологическую проблематику романа лишь опосредованно. Вышеизложенные факты обусловили актуальность проводимого исследования, целью которого является анализ форм и результатов осмысления ключевых бытийных констант в романе А. Б. Сальникова «Оккультрегер».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблематика каждого романа А. Б. Сальникова в той или иной мере затрагивает фундаментальные размышления об утверждении онтологического статуса человека в условиях «мерцающего», нестабильного мира – неслучайно характерной чертой метамодерна является осцилляция. Однако именно в романе «Оккультрегер» писатель наиболее отчетливо выражает свое представление о мироустройстве и роли человека в данных условиях. В одном из интервью он четко обозначает круг вопросов, над которыми размышляет в романе: «Я планировал описать человеческое одиночество, как оно выглядит. С другой стороны, хотел показать то, как люди любят друг друга, в конце концов. Кем является человек настоящий, что нас делает людьми – об этом тоже хотел поговорить. Какие-то вопросы хотел позадавать» [8].

Предыдущие романы включают в себя фэнтезийные элементы лишь в некоторой степени, но в «Оккультрегере» указанная составляющая определяет характер художественного мира произведения в целом. Причины такого подхода были обозначены самим А. Б. Сальниковым в интервью, где он сформулировал одну из ведущих тенденций современного литературного процесса: «Сейчас все тонет в волшебстве. Даже самые реалистичные и очевидные вещи превращаются в какую-то штуку с допущениями. Пишут вроде о заводе или о заброшенной деревне, но картина, измененная авторским восприятием, искажается магической линзой» (2019) [9]. Несмотря на множество фэнтезийных элементов художественного мира, указанный роман гораздо точнее отражает реальную жизнь по сравнению с другими произведениями писателя. К примеру, роман «Опосредованно» впитал в себя различные феномены культуры, но все они были переосмыслены автором так, что часто противоречат действительности. Совершенно иначе обстоит дело с «Оккультрегерам», в котором все явления первичной реальности органично вписаны во вторичную, на что указывает С. П. Костырко: «Оккультные персонажи в романе в той или иной степени – обычные люди. И как раз их "оккультность" у Сальникова не затемняет, а высвечивает их человеческую природу» [5, с. 207]. Фантасмагория романа острояет привычный мир и раскрывает его волшебство в обыденности, причем магией обладает не сама природа, а деятельность людей, которая создает так называемый «магический капитализм» [10, с. 147].

Специфика художественного мира романа указывает на важность приобщения читателей к философским размышлениям, которые делают существование человека более осмысленным. В христианстве, как и в философии идеализма, особое значение имеют абстрактные понятия справедливости, красоты, морали. Обсуждение сложных философских истин является важной частью ткани текста. Некоторые из них высказаны прямо, а другие должны быть выведены эмпирически.

Одним из смысловых центров романа является диалог о возможности единства красоты, добра и правды как констант бытия. В то время, как херувим продвигает пессимистичные размышления, оккультрегер Наташа пытается доказать возможность приближения к лучшему будущему. Она верит, что прогресс способен привести человечество к высшей ценности – добру, – и выстраивает градацию: «На инфраструктуре должно все постепенно нарасти. И цивилизованность. И свобода.

И доброта» [10, с. 125]. Оккультрегер верно видит то, что достижению истинного добра должна предшествовать свобода. Человек должен выбрать движение к свету по своей воле. Однако сытость и устроенность жизни, подразумеваемые под «цивилизованностью», кажутся неверной основой для воплощения морального идеала. В действительности внешняя учтивость и соответствие всем нормам нравственности не всегда обозначают добро.

С другой стороны, слова Наташи отражают сформулированное в сочинении «Условия абсолютного добра» представление Н. О. Лосского о значительности материальных оснований для развития души. Православный философ также осознает, что «в чисто промышленном строе общества, при высоком развитии культуры, страдания будут сравнительно редким явлением» [7, с. 124]. При этом достижение гармонии посредством распространения цивилизации неосуществимо в мировоззренческой системе А. Б. Сальникова. Так, на оккультрегера Прасковью – главную героиню романа – нападают бандиты, внешне соответствующие представлениям о цивилизованном, даже прогрессивном, человеке, но при этом их действия не ограничены моралью и нравственностью. С другой стороны, человек, живущий в жестокости и бедности, может вырасти с верно расставленными нравственными ориентирами.

По определению П. А. Флоренского, «Истина, Добро и Красота – эта метафизическая триада есть не три разных начала, а одно» [12, с. 34]. Однако в романе «Оккультрегер» понятие триединства красоты, добра и правды подвергается сомнению, которое высказывает херувим: «Красота, добро и правда. Правда редко, когда красива и редко, когда добра. Добро не всегда правдиво, а красота очень редко, когда добра и правдива» [10, с. 35]. Герой приходит к выводу о невозможности достижения этого идеала на Земле. Нарушение единого бытийного основания приводит к дисгармонизации реальности и ее трансформации в реальность парадоксов. Следовательно, постулируется основополагающее утверждение о невозможности воплощения триединого абсолюта в земной жизни. Н. О. Лосский так говорит об этом: «... абсолютное добро осуществляется только в Царстве Божиим, состоящем из личностей, вполне освободившихся от эгоизма, действительно любящих Бога больше себя и ближнего, как себя» [7, с. 231].

На более высокий уровень обсуждения ключевых бытийных проблем выходят только персонажи, представляющие магический мир, то есть способные менять и переосмысливать реальность. Можно говорить о том, что люди, не соприкасающиеся с магией, остаются на уровне бытовом, а те, кто взаимодействует с ней, переходят на бытийный. Описания красоты быта, деталей, отражающих прекрасное в земной жизни, также связаны с оккультными персонажами.

Создавая художественный мир романа и следуя традициям постмодерна, писатель активно использует интертекстуальные включения. Существование оккультрегера невозможно без приобщения к культуре цивилизации, поэтому текст изобилует цитатами и реминисценциями, отсылающими к фильмам, песням и литературным произведениям, однако в главе, где Прасковья уступает свое тело сознанию обычной девушки, влияние интертекста ослабевает. Диалоги между Милой и ее мамой, а потом и подругой Галей сводятся к обсуждению бытовых тем. Приземленны и внутренние мотивы поступков героини, которая существует только в бытовой парадигме, где исчезают и свойственные творчеству А. Б. Сальникова описания бытового мира, и изобилие упоминаний художественных объектов. Такая интертекстуальная пустота данной главы, не свойственная творческому методу писателя, может быть объяснена также безжизненным

состоянием города. Населенный пункт почти «остыл» из-за деятельности «мути» – некоего скорее энергетического, чем субстанционального образования, непосредственно влияющего на возможность беспрепятственного существования базовых бытийных начал и воплощенного в теле экстрасенса. Люди, существующие в «остывшем» состоянии, не живут полноценно и поэтому не способны приобщиться ни к красоте мира, ни к культурному контексту, в то время как приобщение к культуре также способствует утверждению онтологического статуса. В романе обычные люди могут знать о произведениях искусства, любить их, но не переживать влияние творчества на их бытие. Например, один из похитителей Прасковьи включает песню «Imagine» Джона Леннона о всеобщем равенстве и любви людей друг к другу. Между тем, он говорит и действует совершенно противоположно смыслу своей любимой песни, тем самым показывая, что не способен перейти с бытового уровня на бытийный.

То же можно сказать и о жизни бывшего оккультирегера Егора, описанной в эпилоге, появившемся гораздо раньше самого романа (об этом А. Б. Сальников говорил в одном из интервью [3]). Д. Л. Куликова обращает внимание на то, как стилистически выделяется эта часть романа, в которой «нарастает метафоричность и насыщенность средствами выразительности, стихает какофония переключек с претекстами» [6, с. 49]. Более того, отсутствие магии переосмысления в жизни персонажей замещается «магией повседневности», созданной посредством избытка метафор: «...пришлось отступить с тропинки в снежный творог, в снежный адыгейский сыр, в снежную сметану» [10, с. 258]. Это подчеркивает исчезнувшую связь Егора с трансцендентным миром, который был им предан и забыт. С другой стороны, пристальное внимание к реалиям подчеркивает одиночество бывшего оккультирегера: «Егор подумал, что если человек один, то может замечать круг от фонаря и смотреть на него, как японец на вишню, может замечать, что трещинка на штукатурке похожа на профиль Николая Васильевича Гоголя, что ноготь на указательном пальце похож на Клару Лучко и т. д.» [10, с. 260]. А если в жизни человека присутствует кто-то близкий, то внимание к бытовым деталям теряет свою значимость, так как люди могут заключать в себе особую красоту, которую А. Б. Сальников ставит на первое место.

Одним из ключей к прошлой жизни Егора представляется являющееся ему видение мальчика, в котором читатель узнает преданного и убитого гомункула, с чьим образом связано представление о детстве не только как об особом лучшем мире по сравнению с реальностью взрослых (достаточно устойчивый бытийный постулат), но и как о времени обладания вселенской мудростью (элемент индивидуально-авторского мифотворчества). Гомункулы – представители иномирия – обладают в романной реальности самой крепкой связью с трансцендентным миром, являются в наш мир в образах вечных детей, обладают даром всеведения и чтения мыслей, причем их особое знание не становится временным даром, а заключается в их сути.

Образ гомункула как искусственно созданного человека также имеет интертекстуальную природу, начиная с гетевского «Фауста», представляет собой некий Абсолют в теле ребенка и является сакральным по следующим причинам. Во-первых, гомункул не рожден оккультирегером, а появляется на земле вместе с ним, что восходит к идее непорочного зачатия. Во-вторых, гомункула можно предать, произнеся его имя и тем самым отказавшись от него. Истоки подобной сакральности видятся в запрете упоминания имени Бога всуе. В-третьих, оккультирегер может приказать гомункулу расти, но тогда вырастет необычный человек. Престол в диалоге с Прасковьей говорит:

«Такое две тысячи лет назад произошло, если ты понимаешь, о чем я» [10, с. 216], что, несомненно, указывает на рождение Христа согласно православному календарю в 1 г. до н. э. – таким образом А. Б. Сальников включает библейский сюжет в авторский миф.

Цитируя Первое послание св. Ап. Павла к Коринфянам, херувим Сергей высказывается о балующейся девочке-гомункуле: «Она никогда не перестанет, – пошутил Сергей. – Хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...» [10, с. 246]. Однако он меняет слово «любовь» из первоисточника на местоимение «она», обозначающее гомункула. Принимая во внимание сущность неизведанного существа, мы делаем вывод о том, что херувим на самом деле говорит о вечной жизни Абсолюта, не ограниченного никакими рамками. Гомункул приравнивается к самой любви, которой, согласно христианскому постулату, и является Бог. К тому же гомункул, являясь неотъемлемой частью Прасковьи, воплощает в себе ее душу: «Прасковья не понимала, как она без него сможет существовать. Без всех остальных, скорее всего, смогла бы» [10, с. 171]. А демон Надя признается: хоть у нее и нет души, но когда она видит гомункула, то «кажется, что есть» [10, с. 207]. Следовательно, преданность гомункулу подразумевает веру в Бога. Приобщение к Богу помогает главной героине утвердиться в реальности. В таком случае предавший гомункула оккультиррегер обрекает себя на неполноценную жизнь, так как отказывается от своего духовного начала. Соответственно, особый мир детства представлен лучшим временем в жизни людей. Именно в этот период они оказываются наиболее близки к состоянию идеальной христианской любви, а приближенность человека к божественному началу является одной из ключевых констант бытия.

Итак, существа, связанные с горним миром, наделены возможностью постигать философские истины и размышлять о предназначении пребывания на Земле, в то время как не способные к этому люди никогда не узнают о сверхъестественной стороне жизни, несмотря на то что находятся в контакте с ней. Так, об ограниченности духовного мира Милы говорит ее брезгливое отношение к собственному сыну: она только стыдится его («Миле хватало и проблем с Яриком, у которого были астма и энурез» [10, с. 91]) и не осознает свою причастность к волшебному детскому миру, проводником в который может стать ее ребенок. Ярик – единственный ребенок в романе, не связанный с ирреальным миром, что говорит о «духовной глухоте» его матери, через призму позиции которой изображен мальчик.

Одной из констант, обеспечивающих онтологическую уверенность [4], является способность к безусловному самопожертвованию, что символизирует готовность отказаться от личных ценностей ради общего блага. К примеру, талантливые люди, выступающие в качестве «угольков», жертвуют своей славой для того, чтобы «согреть» города – наполнять их созидательной энергией, а значит, поддерживать в них жизнь. Жертвенность является основополагающей чертой и образа главной героини: Прасковья, беря на себя чужую боль и травмы, впитывает плохие воспоминания других людей и укрепляет в их памяти хорошие, борется с «мутью», а для спасения другого оккультиррегера осознанно и многократно жертвует своей жизнью, собственным примером доказывая бесспорность ключевой бытийной константы.

Херувимы и демоны также нуждаются в оккультиррегерах для того, чтобы бороться с «мутью», а те преобразовывают негативную энергию в идеи художественных произведений для «угольков», что подчеркивает взаимосвязь и взаимозависимость всех элементов в этом мире. Эта модель поведения отражает сложные симбиотические

отношения, где каждый должен не только принимать жертву другого, но и отдавать нечто взамен. Фраза «вам без нас никак, нам без вас тоже» [10, с. 83] подчеркивает созависимость всех участников общества, стирая границы между различными сущностями.

Стремление стать частью человеческого сообщества постулируется с самого начала произведения. Страдая от одиночества, Прасковья выходит на улицу и заговаривает с соседом лишь для того, чтобы стать ближе к людям. Героиня стремится к ним несмотря на то, что именно людские воспоминания являлись причиной ее тяжелого самочувствия. Когда она теряет свои оккультрегерские способности, то также проводит время во дворе херувима, наблюдая за людьми, что подчеркивает важность социального взаимодействия для укрепления чувства собственного присутствия в мире.

Существование во взаимосвязи с каждым членом общества ради общего блага способствует проявлению человека в реальности. Все направлено на сохранение «тепла», которое можно интерпретировать как символ коллективной энергии, поддерживающей не только людей, но и сам город, что делает ее фундаментальным аспектом социальной и онтологической структуры. Постулат о силе человека в обществе независимо от позитивной или негативной направленности такого рода энергии формулируется престолом: «Человек без других людей и не человек вовсе – так, существо не сильнее барсука» [10, с. 215].

Примечательно, что Прасковья в начале повествования собирается постареть на год, для чего совершить убийство (таков закон существования оккультрегеров). К тому же героиня пересказывает свой сон – мечту «жить в городе, который заселяли бы одни только таксисты» [10, с. 53], демонстрируя, казалось бы, отторжение социума. Сон Прасковьи об опустевшем городе все же является не только мечтой, но и подсознательным отображением действительности. Так, каждый человек, находясь в большом городе, существует в отдельном «мире», что подтверждает описание контакта с официанткой: «...получила ответ и тут же выпала из Надиной с Прасковьей реальности и вычла их из своей» [10, с. 54]. Эта сцена показывает, как люди могут взаимодействовать друг с другом, но при этом находиться в своих особых, изредка пересекающихся реальностях. Темы одиночества и забвения обнаруживают свою трагичность благодаря несколько гротескным законам художественного мира романа. Согласно им, оккультрегер постепенно забывает каждое существо, ушедшее из его жизни, даже тех, кого он очень любил и ради кого был готов пожертвовать всем.

Тем не менее, линия убийства не раскрывается, и оккультрегер, в очередной раз доказывая закон противоречия, лежащий в основе мироздания, делает все для того, чтобы спасти людей. Отклонение от изначального плана свидетельствует также о внутреннем преображении героини, и А. Б. Сальников осмысливает различные точки зрения на возможность прощения греха. С. П. Костырко в статье «Неподъемные истины» определяет проблематику романа как ответ на вопрос о борьбе с «противоречивостью нашей жизни» и «неистребимостью в ней жестокости и дикости» [5] и видит в образе учительницы математики из эпилога оккультрегра Прасковью в новом облике. Характерная для христианской философии концепция возможности прощения греха реализуется в способности создать «пронзительные» взаимоотношения с бывшим оккультрегером Егором, пытавшимся убить героиню. В то же время ранее Прасковья не смогла простить парня из четырнадцатой квартиры, видевшего в ней обычного человека и также осуществившего попытку убийства. Когда же она попробовала понять, почему Егор предал своего гомункула, то отделила грех бывшего оккультрегера от него самого.

Таким образом, героиня не только побеждает внешнее зло, но и преобразуется духовно на этом пути, поэтому «неподъемное оказывается для Прасковьи подъемным» [5]. Она выбирает не убить, а пожертвовать собой, а позже не отомстить, а простить Егора, что приводит ее к сближению с другими живыми существами, и квартира, в которой обычно находились только Прасковья с гомункулом, наполняется друзьями.

Город, как и реальность в целом, также обладает признаками живого существа. Он рассматривается как сложная система, подобная живому организму. При этом оккультрегеры, как и люди, от которых зависит «температура» города, принадлежат этому месту: «Мне кажется все же, это не город наш, а мы его» [10, с. 78], что подчеркивает взаимную зависимость между городом и его обитателями. Оккультрегеры не только сохраняют «тепло», но и являются неотъемлемой частью городской экосистемы. Следовательно, город является местом соединения людей, существующих в постоянной зависимости друг от друга. Интегрированность в общество позволяет человеку осознать свою принадлежность к реальному миру. Взаимная зависимость и жертвенность героев становятся константами, удерживающими их в зыбкой действительности. Взаимоотношения между демонами, херувимами и оккультрегерами строятся на солидарности, где каждый большую часть своей силы и жизни отдает ради сохранения целостности и энергии города – символа общего бытия.

ВЫВОДЫ

Таким образом, художественный мир романа А. Б. Сальникова «Оккультрегер» отражает сложное и неоднозначное устройство реальности, в которой человек должен заслужить право пребывать осознанно. Особое место в романе занимает образ Прасковьи – фигуры одновременно и лишнего человека, и сильной женщины, которая балансирует между отчуждением и желанием найти связь с окружающим миром. Её история – это метафора кризиса идентичности, поиска своего «я» в мире, где материальные и духовные основы постоянно меняются и разрушаются.

Писатель исследует возможности переосмысления себя и мира и приходит к выводу о том, что полноценное существование человека на Земле возможно благодаря реализации основополагающих констант бытия, заключающихся в стремлении к осмыслению реальности, сохранению духовного начала и взаимосвязи с другими людьми, поисках гармоничного соединения красоты, добра и правды, возможности перехода с бытового уровня осмысления реальности на бытийный, приобщении к культуре цивилизации, приближении к божественному началу, существовании во взаимосвязи с каждым членом общества ради общего блага, возможности прощения греха и сохранения «тепла» (созидательного начала) при условии постоянной борьбы с «мутью» (деструктивной энергией), способности к осознанному самопожертвованию.

Онтологическая проблематика романа включает в себя важные аспекты, характеризующие состояние современного мира, подчеркивает его зыбкость, неустойчивость и стремительную изменчивость. А. Б. Сальников в своем романном творчестве предлагает глубокие философские размышления о современном человеке, которым он должен стать, – мыслящим, гибким и сопричастным к жизни в её множественных формах. Каждый из романов предлагает свой путь к достижению этой цели, поэтому перспектива дальнейших исследований видится в изучении аспектов их онтологической проблематики, в той или иной мере соотносящихся с ключевыми константами бытия.

Список литературы

1. Андреева Е. Ю. Усталая конструкция теории искусства: о метамодернизме // Новое искусствознание. – 2021. – № 2. – С. 154–157.
2. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пос. – М.: Флинта, 2011. – 167 с.
3. Издательские сервисы литрес. Книжный клуб с Алексеем Сальниковым. – Режим доступа: https://youtu.be/gg_dlfm9tI?si=oFPxy46DQyxjC1Jy. – (Дата обращения: 24.04.2025).
4. Коптева Н. В. Онтологическая уверенность: понятие и операционализация: Автореф. дисс. ...докт. психол. наук: 19.00.01. – Екатеринбург, 2013. – 46 с.
5. Костырко С. П. Неподъемные истины // Новый мир. – 2022. – № 11. – С. 206–209.
6. Куликова Д. Л. Интертекстуальность в романе А. Сальникова «Оккульттрегер» // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2024. – Т. 1. – № 1. – С. 46–55.
7. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
8. Пахомова Д. Алексей Сальников: «Я хотел описать человеческое одиночество, как оно вглядит». – Режим доступа: <https://www.litres.ru/journal/aleksei-salnikov-ia-khotel-opisat-chelovecheskoe-odinochestvo-kak-ono-vygliadit/?ysclid=mbf33utgm643288963>. – (Дата обращения: 14.03.2025).
9. Попова П. Сейчас не время писать сатиру: писатель Алексей Сальников о новом романе, «Игре престолов» и успехе «Петровых в grippe» // Global city. – 2022. – 20 августа. – Режим доступа: <https://globalcity.info/interview/44941>. – (Дата обращения: 14.03.25).
10. Сальников А. Б. Оккульттрегер. – М.: АСТ, 2022. – 416 с.
11. Сизых О. В. Онтологическая проблематика современной русской прозы. – М.: Флинта, 2014. – 149 с.
12. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи. – М.: АСТ, 2003. – 640 с.
13. Черепова Т. И. «Проклятые вопросы» – этическое ядро русской философии и литературы // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. – 2016. – № 24. – Вып. 38. – С. 195–198.
14. Шин М. В. Творчество А. Б. Сальникова через призму современной литературной критики // Ташкентский литературоведческий форум. – 2024. – Т. 1. – С. 364–369.
15. Шогенцукова Н. А. Опыт онтологической поэтики. – М.: Наследие, 1995. – 232 с.

References

1. Andreeva E. Ju. *Ustalaja konstrukcija teorii iskusstva: o metamodernizme* [The Tired Construction of Art Theory: about Metamodernism]. *Novoe iskusstvoznanie*, 2021, no. 2, pp. 154–157.
2. Esin A. B. *Principy i priemy analiza literaturnogo proizvedenija: uchebnoe posobie* [Principles and Methods of Literary Production Analysis: A Study Guide]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 167 p.
3. *Izdatel'skie servisy litres. Knizhnyj klub s Alekseem Sal'nikovym* [Litres Publishing House. Book Club with Alexey Salnikov]. Available from: https://youtu.be/gg_dlfm9tI?si=oFPxy46DQyxjC1Jy (accessed 24 April 2025).
4. Kopteva N. V. *Ontologicheskaya uverennost': ponyatie i operacionalizaciya: Avtoref. diss. ...dokt. psikhol. nauk* [Ontological certainty: concept and operationalization: Abstract of thesis]. Ekaterinburg, 2013. 46 p.
5. Kostyrko S. P. *Nepod'emnye istiny* [The Unbearable Truths]. *Novyj mir*, 2022, no. 11, pp. 206–209.
6. Kulikova D. L. *Intertekstual'nost' v romane A. Sal'nikova «Okkul'treger»* [Intertextuality in Salnikov's Novel “Occulttregar”]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*, 2024, vol. 1, no. 1, pp. 46–55.
7. Losskij N. O. *Uslovija absoljutnogo dobra* [The Conditions of Absolute Good]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 368 p.
8. Pahomova D. *Aleksej Sal'nikov: «Ja hotel opisat' chelovecheskoe odinochestvo, kak ono vgljadit»* [Alexey Salnikov: "I wanted to portray human loneliness the way it truly is"]. Available from: <https://www.litres.ru/journal/aleksei-salnikov-ia-khotel-opisat-chelovecheskoe-odinochestvo-kak-ono-vygliadit/?ysclid=mbf33utgm643288963> (accessed 14 March 2025).
9. Popova P. *Sejchas ne vremja pisat' satiru: pisatel' Aleksej Sal'nikov o novom romane, «Igre prestolov» i uspehe «Petrovyh v grippe»* [Now is not the time to write satire: writer Alexey Salnikov on his new novel, *Game of Thrones*, and the success of *Petrov's Flu*]. *Global city*. 2022, 20 August. Available from: <https://globalcity.info/interview/44941> (accessed 14 March 2025).

10. Sal'nikov A. B. *Okkul'ttregar* [Occulttregar]. Moscow, AST, 2022. 416 p.
11. Sizyh O. V. *Ontologicheskaya problematika sovremennoj russkoj prozy* [The ontological problems of modern Russian prose]. Moscow, Flinta Publ., 2014. 149 p.
12. Florenskij, P. A. *Stolp i utverzhdenie istiny: opyt pravoslavnoj teodicei* [The Pillar and Affirmation of Truth. The Experience of Orthodox Theodicy]. Moscow, AST Publ., 2003. 640 p.
13. Cherepova T. I. «*Proklyatye voprosy*» – *eticheskoe yadro russkoj filosofii i literatury* ["Cursed Questions" – the ethical core of Russian philosophy and literature]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 2016, no. 24(245), Iss. 38, pp. 195–198.
14. Shin M. V. *Tvorchestvo A. B. Sal'nikova cherez prizmu sovremennoj literaturnoj kritiki* [The work of A. B. Salnikov through the prism of modern literary criticism]. *Tashkentskij literaturovedcheskij forum*, 2024, vol. 1, pp. 364–369.
15. Shogencukova N. A. *Opyt ontologicheskoy poetiki* [The experience of ontological poetics]. Moscow, Nasledie Publ., 1995. 232 p.

CONSTANTS OF BEING IN A. SALNIKOV'S NOVEL *OCCULTREGER*

Dyusekeeva M. R., Ivanova N. P.

This article investigates the main aspects of the ontological problematics of A. B. Salnikov's novel, focusing on the author's conceptualization of the "constants of being" interpreted through the lens of idealist philosophy. The study identifies existential foundations that, as framed within the aesthetics of metamodernism, require renewal: the pursuit of consciously experiencing reality; the search of harmonious unity among beauty, goodness, and truth; preservation of the spiritual principle and connection with other people; the ability to shift from mundane to existential comprehension of reality; engagement with the culture of civilization; progression towards the divine; the ability for conscious self-sacrifice and forgiveness; and the maintenance of interpersonal development and harmonizing tendencies ("warmth") sufficient for human continuation, conditioned by an unending struggle with the destructive ("murk"). The analysis was conducted with consideration of unique features of the novel's artistic world, the context of the author's oeuvre and the functions of intertextuality. The evolution of the character's worldview systems is traced in relation to the key ontological categories.

Keywords: postmodernism, metamodernism, ontological problematics, constants of being.